

Шевченко Т. С. Полилингвизм в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева / Т. С. Шевченко // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 215—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-215-228.

Shevchenko, T. S. (2017). Multilingualism in Immigrant Journalism by Ilya Surguchev. *Nauchnyy dialog*, 8: 215-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-215-228. (In Russ.).

УДК 821.161.1 Сургучев.08+81'373.45
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-215-228

ПОЛИЛИНГВИЗМ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ИЛЬИ СУРГУЧЕВА

© Шевченко Татьяна Сергеевна (2017), orcid.org/0000-0003-1465-2205, старший преподаватель кафедры журналистики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь, Россия), shevchenko31569@gmail.com.

Статья посвящена роли иноязычной лексики в публицистике Ильи Сургучева (на материале цикла «Парижский дневник», 1940—1945 гг.). Актуальность исследования обусловлена тем, что язык текстов И. Сургучева, как и язык эмигрантской прессы 1940-х годов, остается неизученным. Выделены факторы, повлиявшие на формирование многослойной структуры языковой личности И. Сургучева. Рассматриваются особенности функционирования в тексте И. Сургучева иноязычных слов, свободных и связанных словосочетаний, идиом, паремий, цитат на иностранных языках: латинском, французском, итальянском, английском, украинском, китайском и мн. др. Предлагается классификация иноязычной лексики, среди которой выделяются регулярные заимствования (интернационализмы, экзотизмы, имена собственные, квазизаимствования, маркированные заимствования и др.) и окказиональные (как наиболее яркие черты идиостиля публициста). Приводятся этимологические сведения об иноязычных словах. Уделяется внимание особенностям перевода И. Сургучевым иноязычного материала на русский. На метаязыковом уровне выявлена оценка И. Сургучевым «чужого слова» по фоносемантическому критерию. Сделан вывод, что публицистику И. Сургучева характеризуют мультикультурность, полилингвизм, полифонизм, интертекстуальность, стилистическая конвергенция. Особое внимание уделяется стремлению И. Сургучева к сохранению ценностей русской культуры.

Ключевые слова: И. Сургучев; публицистика; билингвизм; полилингвизм.

1. Предпосылки заимствований в публицистике И. Сургучева

Журналист, писатель, драматург, эмигрант первой волны Илья Сургучев (1881—1956) пишет на русском и широко использует в текстах ино-

язычную лексику. По мнению исследователей его творчества эмигрантского периода, «особый интерес представляет художественная рефлексия автора над вопросами языка и сосуществования нескольких языков и народов в одном пространстве» [Ходус, 2010, с. 105]. Это относится и к поздним публицистическим статьям Сургучева, созданным в языковой ситуации билингвизма и собранным в так называемый «Парижский дневник» (1940—1945) (далее — «ПД»).

Проблемой билингвизма и лексических заимствований занимались И. Б. Голуб [Голуб, 2010], Е. В. Маринова [Маринова, 2013], Th. Faist [Faist, 2000] и др. Язык прессы русских эмигрантов довоенного времени исследует А. В. Зеленин [Зеленин, 2007]; язык эмигрантов в целом — Л. М. Грановская [Грановская, 1995], Е. А. Земская [Земская, 2001], Х. Пфандль [Пфандль, 2002] и многие другие. Образность художественной прозы Сургучева рассматривает А. Т. Липатов [Липатов, 2011]. Публицистику И. Сургучева в историко-типологическом аспекте анализируют А. Б. Заморкин, О. И. Лепилкина [Заморкин и др., 2013; Заморкин, 2017], А. А. Фокин [Фокин, 2011]. Ни языку эмигрантской прессы 1940-х годов, ни языку Сургучева не посвящалось отдельных исследований, что обуславливает актуальность данной статьи.

И. Сургучев в «ПД» употребляет различные автономинации и главным образом самоатрибутируется по принадлежности к национально-языковой группе (*русский, русский босяк, какой-то скиф, иностранец, варвар, скиф и варвар, на чужой земле живущий, эмигрант* и др.), рефлексируя над ситуацией би- и полилингвизма, в которой оказался. Вообще на формирование многослойной структуры языковой личности Сургучева повлиял целый ряд факторов, важнейшие из которых: (1) проживание в доэмигрантский период в многоязычном южном регионе России; (2) полученное в царской России классическое образование с выраженным лингвистическим компонентом (Ставропольская духовная семинария; востоковедческий факультет Санкт-Петербургского университета); (3) проживание в Париже с 1920-х годов; (4) общение с носителями итальянского и других языков во время эмигрантских гастролей с хором.

Всё это объясняет присутствие в «ПД» лексики украинского, польского, греческого, латинского, китайского, монгольского, арабского, древнееврейского, церковнославянского, немецкого, французского, итальянского, английского языков, с разной степенью грамматической спаянности с русскоязычным контекстом. А. В. Зеленин отмечает: «Иноязычные вкрапления — один из характерных языковых признаков эмигрантской публицистики <...> свидетельство владения интеллигентной частью читателей и самими публи-

цистами иностранными языками, в том числе классическими (дореволюционная традиция)» [Зеленин, 2007, с. 452]. К причинам употребления вкраплений и транслитов при наличии в русском языке эквивалентов относятся индивидуально-авторская интенция и ситуация билингвизма; иноязычными словами эмигранты идентифицируют наиболее актуальные для них реалии.

2. Иноязычные слова и свободные словосочетания в «ПД»

Заимствования в «ПД» делятся на регулярные (интернационализмы, экзотизмы, варваризмы, квазизаимствования, маркированные заимствования и др.) и окказиональные (то есть индивидуально-авторские). Больше всего в «ПД» иноязычных существительных; заметно меньше прилагательных, глаголов, наречий, этикетных формул; присутствует аббревиатура.

Рассмотрим 8 условных групп регулярных заимствований, выявленных в «ПД».

1. Экзотизмы описывают реалии «чужой культуры» [Маринова, 2013, с. 202]. В «ПД» обычно это транслиты с французского и итальянского языков, иногда взятые в кавычки. Во-первых, это обозначения явлений культурной жизни: *бистро* ‘кафе’, *белот* ‘карточная игра’, *шапито* ‘большая цирковая палатка’, *канотье* ‘соломенная шляпа’ (фр.); *палаццо* ‘городской дворец’, *чентезими* ‘разменная монета’ (итал.) и др. Во-вторых, обозначения лиц по социальному признаку: *бульвардье* ‘гуляка, который <...> входит в богемные заведения <...> вдоль парижских бульваров’ [ИСГРЯ], *ажсан* ‘полицейский’, *гарсон* ‘официант’, *радико* ‘радикал’ (фр.); *лаццарони* ‘нищий босяк’, *иллюстрисими синьори* ‘уважаемые синьоры’, *чичероне* ‘проводник’ (итал.). В-третьих, обозначения продуктов питания, напитков, посуды и пр.: *сыр-грюйер*, *камамбер* ‘сорт сыра’, *колэн* ‘сорт рыбы’, *гато* ‘лепешка’, *бок* ‘рюмка пива’, *голуаз* ‘марка сигарет’, *газуза* ‘напиток’ (фр.); *горгонзола* ‘сыр’, *фляска* ‘пузатая бутылка’, *кианти* ‘сорт вина’ (итал.); *сигариллы* ‘маленькие сигары’ (исп.); *дюбек* ‘сорт табака’ (турецк.).

Итальянские экзотизмы *палаццо*, *чичероне*, *лаццарони* употреблены в переносном значении (деэкзотизация) для создания сатирического эффекта.

2. Имена собственные в «ПД» передаются чаще всего путем транслитерации с французского. Большую группу составляют топонимы: названия улиц и бульваров (*Шан-з-Элизе*, *Монпарнас*, *Парантон*, *виа Лата*), кладбищ (*Тиэ*, *Перляшез*), кафе (*Довиль*), площади (*Рон Пуан*), госпиталя (*Орсэ*), пригорода (*Фон-теней-о-роз*), рынка (*Клиньянкур*) и т. п.

Пример вкрапления в этой группе единичный: *Invalides* (фр.). Редки и семантические кальки: *Большие Бульвары* (фр. *Les Grands Boulevards*), *Латинский квартал* (фр. *Quartier Latin*). Транслитерируются называния французских газет («*Матэн*», «*Пари-Суар*», «*О-Пилори*», «*Пари-Миди*»), название малотиражного журнала приведено в виде французского вкрапления («*Cloche*»). Французское название газеты «*La Victoire*» в целях языковой игры соседствует с переводом на русский — «*Победа*» [ПД, с. 75]. Упоминаются иноязычные произведения словесности: «*Monsieur Cherami*» (роман французского писателя Поля де Кока), «*Тонилхуйн-Чимек*» (cateхизис ламаизма, транслит с монгольского языка), «*Кирие элейсон*» (молитва, транслит с греческого).

3. Многочисленны в «ПД» интернационализмы, например: *эмигрант*, *индивидуальный*, *ликвидация*, *пропорция*, *оккупация* (лат.); *шипион* (нем.); *баррикады*, *метрдотель*, *апплодировать* (фр.); *атаковать*, *карьера*, *изолировать*, *колорит* (итал.) и т. п., выражение *э тутти кванти* (итал. ‘‘многие другие’’), употребленные в прямом значении. Примеры интернационализмов, употребленных в переносном значении: *солнце*, *как глаза пьяного циклопа* (греч.) [Там же, с. 68]; через «*Новое слово*» я крикнул *SOS* на всю эмиграцию (англ.) [Там же, с. 258].

4. Маркированные заимствования не имеют жестких границ с другими рассматриваемыми группами. Они выделяются в языке-реципиенте фонетическим обликом и неспособностью вступать в синтагматические и / или парадигматические связи, например: *фетиш*, *консьержка*, *aperитивы*, *бутик*, *синема*, *лампион* (фр.); *ананке*, *архиерей* (греч.); *дикестивы* (лат. через фр.), *раввин*, *цадик* (евр.), *слоган*, *скетч* (англ.), *бравобрависсимо* (итал.).

К ним примыкают заимствованные этикетные формулы, представляющие собой и транслиты, и вкрапления. Контекст их употребления часто иронический: *Здоровеньки булы, панове!* (укр.) [Там же, с. 84]; *Aх, сдача? Мерси* (фр.) [Там же, с. 100]; *Экскюзи, Мадонна* (англ.) [Там же, с. 264]; *помахал мне рукой и сказал: «Hello!»* (англ.) [Там же, с. 298].

5. Среди заимствований ограниченного употребления [Голуб, 2010, с. 100] в «ПД» выделяются 3 стилистические подгруппы.

А. Книжные слова:

— в прямом значении: *графолог*, *гектограф*, *эспланада* (лат.), *кон фуюко* (итал., муз. ‘с огнем’), *дебаркадер*, *зеро*, *дезиллюзии*, *транспонироваться*, *претенциозный* (фр.) и мн. др.;

— в переносном значении: *инфериальный маскарад* (лат.) [ПД, с. 51]; *восемнадцатилетняя девчонка*, *натюрель*, *по рецепту Генриха Четвер-*

того (фр.) [Там же, с. 93]; *живший реминисценциями* своих прошлых увлечений (лат.) [Там же, с. 206]; *пробудит в зрителе... какие-то атавистические душевные движения* (лат.) [Там же, с. 232]; *понял мою диверсию* (фр.) [Там же, с. 282].

Б. Заимствования-архаизмы: *авион* (фр. *avion* ‘аэроплан’), *камарад* (фр. *camarade* ‘однополчанин’), *телевизион* (фр. *télévision* ‘телевидение’), *метэк* (греч. *metoikos* ‘поселившиеся в стране иноземцы’). В переносном значении: *испортился шалнер в ногах* (фр. *charniere* ‘то же, что шарнир’) [Там же, с. 78].

В. Заимствования-историзмы: *шомажный паёк* ‘компенсация за безработицу по причине войны’ (фр. *chômage* ‘безработица’); *пантофельная почта* (фр. *pantoufle* ‘женские туфли’) — выражение, использовавшееся в годы 1-й мировой войны, то же, что ‘сарафанное радио’; *алерт* ‘воздушная тревога’ (фр. *alert* ‘сигнал’); *комми* ‘приказчик’ (фр. *commis*); *курульное кресло* ‘складной стул без спинки, на таком сидели римские магистраты’ (лат. *sella curulis*); *светская бригада* ‘бригада, следящая за нравственностью в Париже’ (фр. *brigade mondaine*). В переносном значении употреблен историзм *carnet de bal* ‘книжка для записи партнеров на балу’ (фр.). В контексте «ПД» это ‘список жертв Царицы Смерти’. При этом вкрапление (*carnet de bal*) и транслитеры (*карнэ-де-баль, карнэ*) соседствуют, обозначая один и тот же словообраз [Там же, с. 239].

6. Варваризмы — это неоправданные заимствования (с точки зрения И. Б. Голуб), они не входят в узус языка-реципиента и вытесняются другими словами: *печатавшая артикли* под рубрикой (нем. *artikel* ‘статья’) [Там же, с. 56]; *специфически петербургского великосветского жеманшизма* (фр. *je ten fichisme* ‘безразличие’) [Там же, с. 115]; *в моем «мизерабельном»... переводе* (фр. *misérable* ‘жалкий’) [Там же, с. 174] — случай, когда варваризм взят в семантические кавычки; *вся Флоренция... фетировала* музыкантов (нем. *fetieren* ‘чествовать’) [Там же, с. 220]; *может быть, это — портбонер* (фр. *porte-bonheur* ‘амулет’) [Там же, с. 274]; *всегда кайфовали* (араб.) за аперитивом [Там же, с. 143]. В последнем случае произошла ревитализация слова в русском языке (сленгизм *кайфовать*) в ином фонетическом облике и стилистическом значении. Варваризмы *портбонер* и *дезиллюзии* звучат при передаче чужой речи, остальные — в речи автора.

7. Освоенных, или полностью адаптированных, заимствований в русском языке и в «ПД», в частности, огромное множество, например: *бомба, талантливый* (греч.); *маскарад, газетчик* (итал.); *балаган* (турк.).

8. К в а з и з а и м с т в о в а н и я — это слова-гибриды (иноязычная основа с исконным русским аффиксом): *скомпрометированный, обмундировка, натюрмортик, кокетничать* (фр.); *тюбик, распропагандированный, дореволюционный, халтурный* (лат.); *идиотический* (греч.) и мн. др.

Ярче всего билингвизм как черта идиотиля Сургучева проявляется в окказиональных французских заимствованиях. Большинство из них — транслиты, без перевода, почти всегда в кавычках: *Париж, как ноблесс, обязывает* [Там же, с. 15] — языковая игра на основе поговорки *Noblesse oblige* ‘Дворянство обязывает’; *войска, вступая в эту тень, как бы окрашивались в более сильный оттенок собственного же цвета. «Блё фонсе», как говорят французы (bleu foncé ‘темно-синий’)* [Там же, с. 51]; *привозглашены эгалите, фратерните и либерте (liberte, egalite, fraternite ‘свобода, равенство, братство’)* [Там же, с. 56]; *Странное эгалите!* [Там же, с. 57]; *без отыскивания предварительных «тиюи» (тиуаи ‘подсказка на скачках’)* [Там же, с. 86]; *получить свое «кашэ» (cachet ‘плата за уроки’)* [Там же, с. 108]; *каждый фютиюр-Наполеон (futur ‘будущий’)* [Там же, с. 159]; *ни люа, ни фуа (loi ‘закон’, foi ‘вера’)* [Там же, с. 228]. Есть и в края-пленях, иногда в кавычках: *Процесс — не из тех, что носили название: tres parisien* (‘очень парижский’) [Там же, с. 150]; *«Liberte, egalite, fraternite»* [Там же, с. 152]; *о создании... печати d'opinion (la presse d'opinion ‘партийная печать’)* [Там же, с. 207]; *французы называют это «Le bourrage de cranes»* (дословно: ‘застревание черепов’) [Там же, с. 210]. Лишь в одном, ‘тяжелом’, случае представлен перевод: *«Le contre-coup des choses humaines». Как перевести с французского? «Противодействие человеческим вещам? Тяжеловато»* [Там же, с. 241].

В «ПД» есть и семантические кальки с соответствующих французских идиом: *Это на вас смотрит?* [Там же, с. 34]; *не втянул этого в голову* [Там же, с. 39]; *Если, как говорят французы, вы будете делать желчь, то... пользы... не принесёте* [Там же, с. 145]; *в... беседе, по русской традиции «затянувшейся далеко за полночь», а по французской — «за последнее метро»* [Там же, с. 204]; *за ажаном сбегаю и отправлю тебя в скрипку* [Там же, с. 165]; *который, как говорят итальянцы, «делал имя своей стране»* [Там же, с. 217]; *Французы называют свой XVIII век «Сто букетов роз»* [Там же, с. 267] и др.

Многие окказиональные заимствования И. Сургучев вводит для передачи речи иностранцев, определенный стилистический эффект в этом случае создается за счет опущения кавычек: *Какие тикеты?* (фр. *ticket* ‘талон’) [Там же, с. 163]; *Марсель... сказал, что ту ва бьян* (фр. *tu vas bien* ‘ты в порядке’) [Там же, с. 259]; *Псякрайв!* (польск. *psia krew* ‘су-

кин сын') [Там же, с. 264]; *Я говорил с ними рюсс...* *Они всегда отвеча-ли мне франсе* (фр. *russe* 'по-русски', *français* 'по-французски') [Там же, с. 277]; *Экко, экко... эккоээкколя!* (итал. *ecco* 'вот') [Там же, с. 287]; *му-ничилио* издал такой закон (итал. *municipio* 'муниципалитет') [Там же, с. 287]; *призыв... лакея «ман мире»* (фр. *ma mère* 'мама') [Там же, с. 289]; *не просто «синьори», но «иллюстриссими синьори»* (итал. *illusterrissimi signori* 'прекрасные сеньоры') [Там же, с. 292]; *вечерней песенки муэдзина «Аль-алляя»* (араб. 'Всевышний') [Там же, с. 300]. Есть в этой группе случай в крапления, с переводом: *La Victoire! La Victoire! Победа!* *Победа! Победа!* (фр., о крике под окном) [Там же, с. 74].

3. Иноязычные интертекстемы в «ПД»

Латинские вкрапления по дореволюционной традиции играют жанрообразующую роль в публицистическом тексте, в том числе сургучевском. Латынь в «ПД» присутствует с первых до последних записей, в то время как французская и итальянская речь начинает звучать только начиная с 1944 года. Многие статьи завершаются именно латинскими высказываниями. Сам Сургучев высоко ценит знание этого языка: *Благодарю Бога за то, что в детстве меня выучили латинскому языку. В наши трудные, невыносимо утомительные времена так приятно погрузиться в старые просоленные римские волны* [Там же, с. 241]; *Единственным языком, подходящим к описыванию современных событий, была бы «медь торжественной латыни»* [Там же, с. 238].

Всего в «ПД» около 20 латинских крылатых выражений, среди них есть и вкрапления, и транслиты (переводы при этом нередки). В кавычки они взяты далеко не всегда, но иногда функцию кавычек выполняет тире, выступающее в начале абзаца не для обозначения прямой речи, а для выделения какой-то мысли. Это яркий штрих идиостиля Сургучева-публициста. Например:

— *Tempora mutantur et nos mutantur in illis. Времена меняются, и мы сами в них меняемся* [Там же, с. 238].

Приведенное изречение, к слову, повторяется в разной форме в трех статьях «ПД», резюмируя размышления Сургучева об истории.

Многие латинские вкрапления даны без перевода: *Vita brevis, ars longa* 'Жизнь коротка, искусство вечно' [Там же, с. 26]; *Aux entendreurs — salut!* 'Имеющий уши да слышит' [Там же, с. 76]; *об эмигрантском писательстве, как о domo sua* 'Своем доме' [Там же, с. 110]; *Suum cuique* 'Каждому свое' [Там же, с. 129]; *Conditio sine qua non* 'Необходимое условие' [Там же, с. 204]; *Gutta cavat lapidem non vi sed saepe cadendo* 'Капля камень

точит не силой, а частым паденьем’ [Там же, с. 222]. В последнем случае перевод как таковой отсутствует, но далее Сургучев ведет языковую игру, основанную уже на трансформации переведенного выражения: *Капля пробила бел-горюч камень не силой, а частым падением* [Там же] (бел-горюч здесь отсылает к белым, к их горю).

Из непереведенных латинских вкраплений только надпись на медали взята в кавычки: «*Navigatione in mare Baltic imperia stability*» ‘Путешествие по Балтике — стабильность Империи’ [Там же, с. 114].

Латинские вкрапления с переводом появляются в последних статьях «ПД». Например, их три подряд в пронизанной интертекстуальными отсылками статье от 14 февраля 1943 года: «*Tranquillas etiam naufragus horret aquas*». Сие значит: «Человек, потерпевший кораблекрушение, трепещет при виде даже спокойной воды»; «*Inter arma tacent musae*». Что значит: «Во время войны музы молчат»; «*Res est sacra miser*». Что значит: «Человек несчастный — веять священная» [Там же, с. 236]. В следующих статьях находим такие примеры: «*Sunt lacrimae rerum, et mentem mortalia tangunt...* «Веци могут плакать, — сказал Вергилий, — и это смертное очарование пронизывает душу» [Там же, с. 241]; «Мысли, значит, существую»: «*Cogito — ergo sum*» [Там же, с. 250].

Латинские транслиты без перевода (и без кавычек) в «ПД» представляют собой интернациональные выражения, часто звучащие иронически: *как дэус экс махина* (*deus ex machina* ‘Бог из машины’ — о неожиданной развязке) [Там же, с. 15]; *Колледж де Франс* был в полном смысле — *Терра Иниконита* (*terra incognita* ‘неизвестная земля, что-либо непостижимое’) [Там же, с. 120]; *хор миланской оперы ин корпоре* (*in corpore* ‘в полном составе’) [ПД, с. 214]; *арбитр элеганциарум* (*Последних Новостей*)... *Адамович* (*arbiter elegantiarum* ‘арбитр изящества, авторитет в вопросах вкуса’) [Там же, с. 221]; *русская литература — там, экс ориенте люкс* (*ex oriente lux* ‘свет идет с востока’) [Там же, с. 227]. Только в одном случае транслит переведен: *Альтера парс. Обратная сторона медали* [Там же, с. 111].

Цитаты на иностранных языках — еще один важный элемент картины полилингвизма в «ПД». Часто это относительно большие выдержки, например, из художественной литературы, все без перевода: четверостишие Микеланджело «*Parla Gasso*» на итальянском [Там же, с. 53]; три строчки С.-А. Берту на французском [Там же, с. 251]; мольеровское крылатое выражение *Tu l'as voulu, Georges Dandin!* ‘Ты этого хотел, Жорж Данден!’ [Там же, с. 152]. Из публицистики: фрагмент

статьи Б. Эрве из газеты «*La Victoire*» — здесь впервые в «ПД» звучит иноязычная (французская) речь, перевод приведен [Там же, с. 75]; цитата Рошфора из журнала «*Cloche*» от 01.05.1869 — композиционная роль цитаты в главе значимая, но перевод не дается [Там же, с. 210]. Из эпистолярия: фрагмент письма от ван Гога брату, перевода с французского нет [Там же, с. 253]; цитата из «*Писем*» К. Делавиня с дублированием на французском: *Со временем Адама дураки всегда в большинстве. Les sots depuis Adame sont en majorité* [Там же, с. 250]. Из религиозных и эзотерических текстов: цитата из Екклесиаста, представляющая собой транслит с древнееврейского, без перевода: *Гавалим, гавалим, геле гавалим* ‘Суета сует — всё суета’ [Там же, с. 300]; отрывки из «Центурий» Нострадамуса, на старофранцузском, с толкованием «темных мест» Сургучевым [Там же, с. 96—98]. Из научного текста: фрагмент работы А. Вандаля «Людовик XV и Елизавета» на французском, с переводом [Там же, с. 177—178].

Наконец, особое место среди иноязычных интертекстов в «ПД» занимают пословицы и поговорки (паремии) разных народов. Украинские: *Хай их чертяка мордует* [Там же, с. 135]; *Хоть гирше, да иные* [Там же, с. 235]; *Бачили очи, що покупали* [Там же, с. 152] и др. Французские: *Или вот французская пословица: «Chat échaudé craint l'eau froide». Сие значит: «Ошпаренный кот боится воды даже холодной»* [Там же, с. 236]; *Apres nous le deluge? — После нас — хоть потоп* [Там же, с. 271]; *Ночь дает совет, — говорит французская пословица, но русская звучит лучше: Утро вечера мудренее* [Там же, с. 301]. Грузинская: *Времена царствуют, — торжественно... отвечает грузинская пословица* [Там же, с. 127]. Испанская: *эта свинья — жизнь, — как говорит испанская пословица* [Там же, с. 239]. Латинская: *Есть такая латинская пословица: О мертвых можно говорить только хорошо или ничего* [Там же, с. 273]. Сургучев при этом не раз скептически отмечает: *много пословиц пересмотреть нужно* [Там же, с. 235]. Но именно пословицей (*От сумы и от тюрьмы не зарекайся*) завершается весь цикл статей, с выводом, что народная мудрость имеет далеко не случайное наполнение.

Заимствования из церковнославянского, которым автор «ПД» свободно владел как выпускник духовной семинарии, многочисленны и разноплановы, их особенности мы осветим в отдельном исследовании.

Таким образом, с точки зрения языковых особенностей публицистику И. Сургучева характеризуют мультикультурность, полилингвизм, полифонизм, интертекстуальность, стилистическая конвергенция.

4. Метаязыковая рефлексия И. Сургучева над «чужим словом»

Активно используя в своей публицистике самую разную иноязычную лексику, И. Сургучев считает главной обязанностью культурного человека освоить родной язык: *Культура состоит прежде всего в уважении к своей родине, к своему народу и его языку. Можно и нужно говорить так, как говорят в Комеди Франсез, но это — во-вторых, а во-первых, нужно говорить так, как говорят в Московском Малом театре* [Там же, с. 121].

Интересно то, что в «ПД» автор часто сам выступает как переводчик и толкование иноязычных слов вводит следующими общеизвестными способами:

— дублированием (в особых цирках без *крыши* или, употребляя специальное выражение..., без «*шапито*» [Там же, с. 102]; *рюмку пива, именуемую боком* [Там же, с. 143]; *Ищите женщину. Cherchez la femme. Toujours cherchez* [Там же, с. 206]; *Со временем Адама дураки всегда в большинстве. Les sots depuis Adame sont en majorité* [Там же, с. 250]);

— описанием самой реалии (купил на завтрак великолепного *колэна*, что-то вроде нашего *донского судака*) [Там же, с. 29]);

— уточнением значения слова путем нанизывания синонимов, аналогов (*дворец...* От этого *палаццо* пахнет не типографской краской [Там же, с. 60]; *грязный иностранец, метэк* [Там же, с. 87]);

— синтаксической конструкцией приложения (*Роман называется «Пэн-Шан-Лин-Йен» («Две девушки поэтессы»)* (китайский язык) [Там же, с. 174]);

— собственно переводом (*La Victoire! La Victoire! Победа! Победа! Победа!* [Там же, с. 74]; *Альтера парс. Обратная сторона медали* [Там же, с. 111]). Свой перевод Сургучев иногда комментирует: «*Res est sacra miser*». Что значит: «Человек несчастный — вещь священная». Прошу прощения за перевод, быть может, слишком вольный, дело не в переводе, а в смысле [Там же, с. 236]; *В этом романе есть стихи. Не хотите ли послушать их в моем «мизерабельном» и оскорбительно грубом переводе?* [Там же, с. 172] (о переводе с китайского). Интересен пример рамочного комментария, или комментария в комментарии: *Bom 462 стих первой книги «Энеиды»: Sunt lacrimae rerum, et mentem mortalia tangunt. Этот стих, непереводимой красоты, был когда-то процитирован французом Низар, который мог только прибавить... замечание: «Вергилий первый... почувствовал «le contre-coup des choses humaines».* Как перевести с французского? Противодействие человеческим вещам? Тяжеловато. «Вещи могут плакать, — сказал Вергилий, — и это смертное очарование пронизывает душу» [Там же, с. 241].

Как мы показывали, во многих случаях перевод вообще отсутствует, что говорит о частотности употребления некоторых иноязычных выражений в публицистическом дискурсе того времени либо о расчете автора на то, что его читатель владеет языком-реципиентом. При этом нередки метаязыковые замечания типа: *французы называют это..., как говорят итальянцы...* и пр.

Лингвистическая культура Ильи Сургучева многогранна. Так, полилингвизм в «ПД» проявляется в знании автором разных славянских языков: *Мой гид прельстил меня знанием смеси из языков польского, чешского и сербского*. Эту смесь он называет языком *русским* [Там же, с. 263]; различении нелитературных форм французского: *женщина... жаловалась, но на арго* [Там же, с. 302]; *солдат... кричит на эльзасско-французском языке* [Там же, с. 71] и т. д. В некоторых случаях «чужое слово» оценивается Сургучевым по фоносемантическому критерию, чаще негативно, например: *кладбище со смешным названием «Тиэ» (похоже на толстовское «таэ»)* [Там же, с. 101]; *Готье называл... европейскую «культурную» шумиху смешным словом собственного изобретения: Татафуйон* [Там же, с. 174]; *неуклюжим словом «слоган»* [Там же, с. 205]; *Алерт. (Какое спортивное слово)* [Там же, с. 17]. Западу и его языковой культуре автор «ПД» решительно противопоставляет Восток: *Если какая-нибудь нежданная бомба разорвала бы мой дом... мне было бы жаль одного: перевода, который уж двадцать лет я делаю с китайского языка... Перевожу китайский роман, которого никто в Европе не знает и который так же очарователен и свеж, как вот эта струйка ветра* [Там же, с. 172]; в противовес «смешному», «неуклюжему» европейскому слову — о китайских иероглифах он говорит как о том, что погружает его в мир «изысканный, тонкий и наблюдательный» [Там же, с. 173].

Показательно, что Илья Сургучев стремится к сохранению всего, что есть ценного в русской, восточной, культуре, и видит в ней силу, «которой не страшны никакие врата адовые» [Там же, с. 194]. Он употребляет исключительно русскую и общеславянскую лексику настолько часто, насколько это позволяют задачи публициста, — так создаются особые звукопись, тональность и ритмическая организация в его тексте.

Источники и принятые сокращения

1. ПД — Сургучев И. Д. Парижский дневник. 1940—1945 / И. Д. Сургучев ; ред. А. А. Фокина. — Ставрополь : ТоварищЪ, 2016. — 310 с.
2. ИСГРЯ — Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс] / Н. И. Епишкин. — Режим доступа : http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm.

Литература

1. Голуб И. Б. Стилистическая оценка заимствованных слов / И. Б. Голуб // Стилистика русского языка. — Москва : Айрис-Пресс, 2010. — С. 100—112.
2. Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны / Л. М. Грановская. — Москва : ИРЯЗ, 1995. — 142 с.
3. Заморкин А. Б. «В крови распивающийся мир» в парижской публицистике И. Д. Сургучева военного времени (1940—1945 гг.) / А. Б. Заморкин // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 74—83.
4. Заморкин А. Б. Ставропольская публицистика И. Д. Сургучева начала XX века : жанрово-тематическая характеристика / А. Б. Заморкин, О. И. Лепилкина // В мире научных открытий. — 2013. — № 11. — С. 177—181.
5. Зеленин А. В. Язык русской эмигрантской прессы (1919—1939) / А. Зеленин. — Tampere : University of Tampere, 2007. — 664 с.
6. Земская Е. А. Язык русского зарубежья : итоги и перспективы исследования / Е. А. Земская // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1. — С. 114—131.
7. Липатов А. Т. Взбудораженная магия чувств : текстообразующие и изобразительно-выразительные средства художественной прозы Ильи Сургучева / А. Т. Липатов. — Ставрополь : Графа, 2011. — 180 с.
8. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах / Е. В. Маринова. — Москва : Флинта : Наука, 2013. — 240 с.
9. Пфандль Х. Четыре волны русской эмиграции XX века и культурно-языковое поведение эмигрантов / Х. Пфандль // Русский язык в диаспоре : сборник статей / отв. ред. Г. В. Хруслов. — Москва : Изд-во Гос. ИРЯ, 2002. — С. 9—32.
10. Фокин А. А. Духовный потенциал публицистики И. Д. Сургучева / А. А. Фокин // Векторы духовности в русской литературе и культуре XIX—XX веков : сборник статей. — Ставрополь : Графа, 2011. — С. 50—53.
11. Ходус В. П. Особенности языкового выражения пространства в пьесе И. Д. Сургучева «Реки вавилонские» / В. П. Ходус // VII Сургучёвские чтения : сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Ставрополь : СГУ, 2010. — С. 100—104.
12. Faist Th. Transnationalization in international migration : Implications for the study of citizenship and culture / Th. Faist // Ethnic and racial studies. — 2000. — Vol. 23. — № 2. — Pp. 189—222.

Multilingualism in Immigrant Journalism by Ilya Surguchev

© Shevchenko Tatyana Sergeyevna (2017), senior lecturer, Department of Journalism, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia), shevchenko31569@gmail.com.

The article focuses on the role of foreign language vocabulary in Ilya Surguchev's journalism (based on the cycle of "The Paris diary," 1940—1945). The research urgency

is caused by the fact that the language of I. Surguchev's texts, as the emigrant press language in 1940-ies is still unknown. The factors that influenced the formation of the multi-layered structure of I. Surguchev's language personality are revealed. The features of foreign words, free and bound collocations, idioms, proverbs, quotations in foreign languages: Latin, French, Italian, English, Ukrainian, Chinese etc., functioning in I. Surguchev's texts, are considered. Classification of foreign language vocabulary, among which there are regular borrowings (internationalisms, exoticism, proper names, quasi-borrowings, marked borrowing, etc.) and occasional ones (the most striking features of idiom of the writer). Etymological information about words in foreign language is given. Attention is paid to the features of I. Surguchev's translation of foreign-language material into Russian. On the metalinguistic level, I. Surguchev's evaluation of "foreign word" by a phonetic criterion is revealed. It is concluded that I. Surguchev's journalism is characterized by multiculturalism, multilingualism, polyphonism, intertextuality, stylistic convergence. Special attention is paid to the I. Surguchev commitment to the preservation of the values of Russian culture.

Key words: I. Surguchev; journalism; bilingualism; multilingualism.

Material resources

PD — Surguchev, I. D., Fokin, A. A. (ed.) 2016. *Parizhskiy dnevnik. 1940—1945*. Stavropol': Tovarishch. (In Russ.).

ISGRYa — Epishkin, N. I. *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka*. Available at: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm.

References

Faist, Th. 2000. Transnationalization in international migration: Implications for the study of citizenship and culture. *Ethnic and racial studies*, 23 (2): 189—222. (In Russ.).

Fokin, A. A. 2011. Dukhovnyy potentsial publitsistiki I. D. Surgucheva. *Vektorы dukhovnosti v russkoy literature i kulture XIX—XX vekov: sbornik statey*. Stavropol': Grafa. 50—53. (In Russ.).

Golub, I. B. 2010. Stilisticheskaya otsenka zaimstvovannykh slov. In: *Stilistika russkogo yazyka*. Moskva: Ayris-Press. 100—112. (In Russ.).

Granovskaya, L. M. 1995. *Russkiy yazyk v «rasseyanii». Ocherki po yazyku russkoy emigratsii pervoy volny*. Moskva: IRYaZ. (In Russ.).

Khodus, V. P. 2010. Osobennosti yazykovogo vyrazheniya prostranstva v pyese I. D. Surgucheva «Reki vavilonskiye». *VII Surguchevskiye chteniya: cbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Stavropol': SGU. 100—104. (In Russ.).

Lipatov, A. T. 2011. *Vzbudorazhennaya magiya chuvstv: tekstoobrazuyushchiye i izobrazitelno-vyrazitelnyye sredstva khudozhestvennoy prozy Ilii Surgucheva*. Stavropol': Grafa. (In Russ.).

Marinova, E. V. 2013. *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).

Pfandl', Kh., Khruslov, G. V. (red.) 2002. Chetyre volny russkoy emigratsii XX veka i kulturno-yazykovoye povedeniye emigrantov. In: *Russkiy yazyk v diaspoze: sbornik statey*. Moskva: Izd-vo Gos. IRYa. 9—32. (In Russ.).

Zamorkin, A. B. 2017. «V krovi rasplyvayushchiysya mir» v parizhskoy publitsistike I. D. Surgucheva voyennogo vremeni (1940—1945 gg.). *Nauchnyy dialog, 1*: 74—83. (In Russ.).

Zamorkin, A. B., Lepilkina, O. I. 2013. Stavropolskaya publitsistika I. D. Surgucheva nachala XX veka: zhanrovo-tematiceskaya kharakteristika. *V mire nauchnykh otkrytiy, 11*: 177—181. (In Russ.).

Zelenin, A. V. 2007. *Yazyk russkoy emigrantskoy pressy (1919—1939)*. Tampere: University of Tampere. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. 2001. Yazyk russkogo zarubezhyya: itogi i perspektivy issledovaniya. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii, 1*: 114—131. (In Russ.).